

Лю Гуюй, словно о чем-то догадавшись, задумчиво взглянул на Цинь Жунши, и как раз в этот момент их взгляды встретились. Глаза у него были тёмные, как бездонный омут, в глубине их сгущались неясные, скрытые чувства. Хотя ему было всего тринадцать лет, выражение его глаз казалось куда более зрелым, чем у взрослого человека - в них чувствовалась скрытая расчётливость и дальновидность.

Цинь Жунши моргнул, быстро спрятал эту тень в глазах и спокойно сказал:

— Пойдём.

— А... да, пойдём, — поспешно ответил Лю Гуюй.

Цуй Ланьфан и Цинь Баньбань ничего не заметили - обе были переполнены радостью, с любопытством разглядывали всё вокруг, находя каждую мелочь удивительной.

На ярмарке стоял шум и гомон, толпы людей теснились плечом к плечу. С одной стороны тянулись лавки - рестораны и чайные, их вывески колыхались на ветру; с другой - вплотную стояли ряды прилавков с уличной едой: жареные лепёшки, блинчики, засахаренная тыква, сахарные картинки...

Старый пёстрый кот важно шагал вдоль стены, подняв хвост трубой, и кончик его лениво покачивался. Это был кот из храма Гуаньинь - все торговцы его знали, никто не смел прогонять, наоборот, ласково подзывали. Дети с восторгом бросали ему кусочки мяса, а взрослые тут же одёргивали их за расточительность, уводя прочь.

— Как же тут оживлённо, — с улыбкой сказала Цуй Ланьфан, и в её глазах заиграли искорки.

Пройдя длинный ряд, где витали ароматы еды, они оказались в части, где продавали мелкие вещи: фонарики, румяна, игрушки, мешочки с благовониями для молитв.

Лю Гуюй откликнулся на её слова и добавил:

— Говорят, вечером здесь ещё оживлённее! Только мы далеко живём - слышали, но не видели.

Говоря это, он потянул Цинь Баньбань к прилавку с лентами и украшениями для волос и мягко сказал девочке:

— Выбери себе что-нибудь.

Маленькие девочки должны наряжаться ярко и красиво, носить красивые платья и украшать волосы цветами, как соседская Майэр. Но из-за бедности в семье Цинь Баньбань обычно носила немаркие серо-синие платья, а волосы у неё оставались совсем без украшений. А ведь

какая девочка не любит наряжаться? Иногда она всё же закалывала один-два цветка, но это были сорванные в горах Сяолю свежие цветы, которые вяли уже через день.

Лю Гуюй давно хотел приодеть её получше: красивые наряды пока не по карману, но купить пару украшений для волос вполне возможно.

Хозяин лавки оказался разговорчивым гэрмом. Услышав слова Лю Гуюя, он тут же выбрал несколько подходящих украшений для юных девушек, собрал их в ладонь и с энтузиазмом заговорил:

— Ой, девочка, посмотри! Я недавно привёз товар из уезда, сейчас во всём городе только у меня такие есть! Глянь, какие красивые!

Он расхваливал товар, но для Лю Гуюя, повидавшего в современном мире куда более изысканные вещи, эти украшения выглядели довольно обычными, разве что цвета были яркие и милые. Зато для Цинь Баньбань они казались настоящим сокровищем - девочка не могла оторвать от них глаз. Она с радостью примерила пару, приложив к волосам, и лицо её озарилось улыбкой.

Продавец тоже засмеялся:

— Ай да красота! Вот этот цветок османтуса тебе особенно к лицу! Одна штука - всего тринадцать вэнь, а если возьмёшь пару, отдам за двадцать пять!

Цинь Баньбань была в восторге, но, услышав цену, с сожалением опустила руки и потянула Лю Гуюя:

— Невестка, мне не нравится... пойдём.

Двадцать пять вэнь! Добавь ещё немного, и уже можно купить целый цзинь мяса!

Она говорила, что не нравится, но взгляд её всё равно то и дело возвращался к украшениям - было ясно, что слова идут против сердца. Лю Гуюй не согласился, снова потянул её обратно и выбрал две заколки с османтусом, закрепив их по обе стороны в её волосах.

— Красиво! Сейчас как раз сезон османтуса, тебе очень идёт! Раз уж пришли, как можно уйти с пустыми руками!

Цуй Ланьфан жалела деньги, но только когда речь шла о ней самой - на детей она никогда не скупилась. Сейчас она тоже мягко улыбнулась и сказала:

— Возьми одну, носи, тебе очень красиво.

Цинь Жунши ничего не сказал, но действовал по-своему: спокойно отсчитал из кошелька двадцать пять медных монет и сразу выкупил те самые заколки с османтусом, что только что примеряла Цинь Баньбань.

Расплатившись, он посмотрел на Лю Гуюя и Цуй Ланьфан и сказал:

— Матушка, брат Лю, вы тоже выберите себе что-нибудь.

Сегодня именно он держал деньги, все заработанные монеты были у него.

Услышав это, Цуй Ланьфан поспешно замахала руками:

— Ай, да куда мне! В моём-то возрасте! Такие яркие цветы надену, только на смех людям!

Сказано это было так, будто ей уже за семьдесят. Хотя на самом деле, несмотря на троих детей, ей было всего тридцать девять. В молодости она считалась одной из красавиц деревни; пусть годы и лишили её прежнего блеска, придав лицу болезненную бледность, но в чертах всё ещё угадывалась прежняя нежность и красота.

Лю Гуюй, подражая Цинь Жунши, не стал выбирать яркие украшения для девушек, а взял простую шпильку из персикового дерева с вырезанным на головке узором орхидеи.

Он сказал:

— Надо, надо! Раз уж пришли, нельзя же уходить с пустыми руками! Матушка, эта как раз тебе подойдёт, и к твоему имени подходит!

Цуй Ланьфан сначала хотела отказаться, но, взяв шпильку в руки, невольно смягчилась и тихо произнесла:

— У меня раньше была серебряная шпилька, тоже с орхидеей... очень красивая.

Когда-то у неё было несколько украшений - часть получила к свадьбе, часть купил муж после. Но когда семья обеднела, ради лечения мужа она распродала всё до последнего. Теперь, держа в руках эту простую деревянную шпильку, она вспомнила ту, прежнюю - серебряную, с орхидеей, так похожую на эту. Она и раньше говорила, что не хочет, но сейчас уже не могла просто так её отпустить.

Хозяин лавки поспешно добавил:

— Простая шпилька - десять вэнь, с резьбой - пятнадцать! Цена хорошая, материал добротный -

и восемь, и десять лет прослужит!

Цинь Жунши не стал ничего говорить, просто снова достал деньги.

Цинь Баньбань с любовью гладила полученные заколки с османтусом, никак не могла нарадоваться, затем широко распахнула глаза и звонко сказала:

— Брат Лю, ты тоже выбери себе что-нибудь!

Услышав это, Цинь Жунши тоже посмотрел на Лю Гуюя. Но тот лишь замотал головой:

— Не надо мне! Верёвкой волосы перевязать - и так хорошо! Я такое не люблю, лучше подумаю, что бы нам потом поесть... Сегодня дома никто не готовил, давайте поедим в городе и только потом вернёмся!

И это были вовсе не пустые слова. Ему действительно не нравилось!

В этом мире гэров воспитывали почти как девушек - прежний хозяин тела любил и румяна наносить, и цветы в волосы вплетать, но Лю Гуюю это казалось странным: стоило только представить, и по коже бежали мурашки. Конечно, простая деревянная шпилька была бы неплохой... вот только за всё это время он так и не научился толком укладывать волосы!

Слишком сложно! Гораздо проще перевязать их лентой.

Купив заколки и шпильку, они продолжили прогулку. Обойдя ярмарочную улицу, Цуй Ланьфан повела всех в храм Гуаньинь - просить защитные амулеты.

— Смотрите, держите их при себе! Не вынимайте лишний раз! — не уставала она наставлять.

У каждого из четверых теперь был при себе талисман, и все послушно кивали.

Когда вышли, уже было довольно поздно. Цуй Ланьфан вспомнила слова Лю Гуюя и решила поесть в городе перед возвращением. В обычное время она бы не решилась тратить лишние деньги, но за этот день они уже потратили немало, и теперь можно было позволить себе ещё немного.

— Все проголодались? Давайте поедим пораньше, а потом вернёмся и хорошенько отдохнём. Особенно вы, Лю-гэр и эрлан, за эти дни, наверное, совсем выбились из сил.

С окончанием ярмарки Лю Гуюй не собирался торговать ежедневно. Он решил выходить только в рыночные дни: в Фушуге каждые три дня устраивались малые торги, а раз в пятнадцать

- большой рынок, и именно тогда было по-настоящемулюдно и оживлённо.

Они собирались поесть, но, пройдя по переулку туда-сюда, всё никак не могли выбрать: тут выглядело вкусно, там тоже заманчиво - глаза разбегались. Лишь спустя долгое время они наконец устроились у одной лавки с вонтонами.

Они заказали четыре чашки вонтонов и у соседнего прилавка взяли ещё корзинку свежих мясных баоцзы. Хозяин, мужчина лет сорока-пятидесяти, с простоватым, честным лицом ловко лепил вонтоны и одновременно расхваливал:

— Вы пришли по адресу! На этой улице много таких лавок, но только у меня есть вонтоны с бамбуковыми побегами и папоротником! Не хвастаюсь, но даже в ресторане или закусочной вы такого вкуса не найдёте!

Он и не смотрел на руки - те работали сами по себе: пока говорил, уже слепил пять-шесть штук.

В начинке из побегов бамбука и папоротника вся суть в их свежей, хрустящей текстуре.

Вскоре он подал чашки и, по-прежнему добродушно улыбаясь, добавил:

— Правда, самые вкусные такие вонтоны весной - тогда и побеги, и папоротник особенно нежные. Сейчас тоже есть, но всё же не то. Вот весной придёте, попробуете, будет в десять раз вкуснее!

Он говорил скромно, но Лю Гуюй, попробовав, понял: и сейчас вкус превосходный, даже он, искушённый гурман, не смог бы придраться. Трудно было представить, как это «в десять раз вкуснее».

Свежие молодые побеги, собранные после дождя, очищали от кожуры и мелко рубили. Папоротник брали самый нежный - верхушки ростков - тоже мелко резали и смешивали с бамбуком, затем обдавали кипятком и приправляли. Тонкая, почти прозрачная оболочка вонтонов скрывала сочную, хрустящую начинку; папоротник придавал особый лесной аромат, усиливая вкус.

Подача в белых керамических мисках только подчёркивала эту простую, но яркую «дикую» свежесть, и по вкусу это было не хуже мяса, а то и лучше.

«Недооценивать мастерство древних нельзя, — подумал Лю Гуюй, — даже в таком переулке скрываются настоящие мастера».

Поев, семья решила, что на сегодня нагулялись, и стала собираться домой. На повозке Цинь Баньбань всё ещё делилась впечатлениями - вспоминала всё, что увидела за день, говорила

медленно, одно за другим, и казалось, её рассказу не будет конца.

— Ярмарка такая интересная... теперь понятно, почему все любят туда ходить.

— И товаров столько, всё такое новое и необычное...

...

Слушая звонкий детский голосок, телега тихонько покачивалась и въехала в деревню.

В это время во многих дворах уже готовили ужин - из труб поднимались струйки белого дыма, переплетались между собой и рассеивались среди зелёных горных склонов. Они подъехали к дому, но едва остановились, как заметили: у ворот соседей напротив сидел на корточках молодой гэр.

Хотя он сидел спиной, Цуй Ланьфан сразу его узнала и невольно воскликнула:

— Цинчжу?!

<http://bllate.org/book/17177/1616663>